

Время написания Жития Александра Невского

© А.Н. Нестеренко

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Историография исходит из умозрительной предпосылки, что агиографическое Житие Александра Невского датируется 80-ми годами XIII в., и, следовательно, основано на воспоминаниях очевидцев и непосредственных участников событий. В статье обосновывается, что оно написано в 1381–1383 годах и представляет собой компиляцию Жития псковского князя Тимофея (Довмонта). Автором Жития, предположительно, был митрополит Дионисий Суздальский.

Ключевые слова: *Житие Александра Невского, митрополит Дионисий Суздальский, Житие Довмонта Псковского, Невская битва, Ледовое побоище, канонизация святых в русской православной церкви.*

Скудность летописных свидетельств вынуждает использовать в качестве основного источника информации о князе Александре Невском его агиографическое Житие. При этом игнорируется то, что жития святых — это «не биография, а назидательный панегирик в рамках биографии, как и образ святого на иконе не портрет, а икона», а также «не все биографические черты в житии суть исторические факты. Жития сообщают очень мало конкретных фактов» [1, т. 2, с. 240; т. 7, с. 75].

Обращение к агиографическому источнику отечественная историография оправдывает тем, что «подробности Жития основаны на рассказах очевидцев и свидетелей, знавших и наблюдавших Александра Невского как полководца» [2, с. 24]. В подтверждение того, что Житие Александра Невского (далее — Житие) действительно основано на свидетельствах очевидцев, исследователями были рассмотрены, пожалуй, все возможные гипотезы его авторства. Это и «суздальский книжник, лично знавший князя», «его младший современник» (А. Энгельман); митрополит Кирилл или человек из его окружения (Д.С. Лихачев) и даже автор «Моления Даниила Заточника» (В.М. Истрин). В соответствии с данными предположениями время написания Жития относят к 80-м годам XIII в. [3, с. 348–357; 4 с. 193–201; 5, с. 354–363]. Однако такая датировка не подтверждена фактами.

Еще Н.И. Серебрянский отметил, что нет возможности составить отчетливое представление о положении и о личных отношениях автора Жития с князем Александром Невским. Но из текста Жития скорее следует, что его автор не только не был близок к князю, но и

более того, не был ни участником, ни очевидцем описываемых событий: «Правда, он называет себя самовидцем возраста Александра, но здесь же говорит, что в биографии святого он основывается главным образом на рассказах старшего поколения: “слышахомъ отъ отецъ своихъ...”» Биограф не был участником, очевидцем боевых подвигов Александра; он передает о них со слов других» [6, с. 81–82]. Такой вывод Н.И. Серебрянского основан на том, что, по его мнению, «отдельные выражения в тексте жития указывают на сравнительно позднее происхождение этого памятника» [6, с. 82].

Именно потому, что Житие не основано на фактах и свидетельствах очевидцев, Н.И. Серебрянский относит его не к воинской повести, а «к лирическому жанру» [6, с. 70]. Аналогичную мысль высказывал Н.А. Полевой, называя Житие «повестью поэтической», которую «невежды переписчики» перемешали с летописными «историческими известиями» [7, с. 81–82]. В чем же проявляется невежество переписчиков, результатом которого стало искажение исторических известий?

Содержание Жития сводится к описанию всего двух эпизодов биографии Александра Ярославича: Невской битвы и Ледового побоища. Большую часть его дальнейшей жизни, включая такой исторически значимый ее этап, как деятельность в качестве великого князя владимирского, Житие обходит молчанием. А именно в это время закладывались основы подчинения русских земель Ордой, которые вошли в отечественную историю под метафорическим названием «татаро-монгольское иго». Сообщения новгородской летописи свидетельствуют, что ордынская перепись населения проводилась при активном и непосредственном участии Александра [8, л. 136–138]. Но в Житии об этом факте его биографии даже не упоминается.

В то же время при описании значимых, с точки зрения автора Жития, событий жизни Александра Ярославича не хватает фактической информации. Ее отсутствие компенсируется описанием чудес, литературными заимствованиями и просто вымыслами. Так, если верить автору Жития, после сражения на Неве нашли «много множество избивенных ангелом Господнем» врагов на другом берегу реки Ижоры [8, л. 164 об.]. В сражении на Чудском озере «очевидец» (!) видел, как «полк божий по воздуху пришел на помощь Александру» [8, л. 166 об.]. Описанные в Житии подвиги «шести мужей знатных» в ходе Невской битвы — не более чем литературный вымысел, имеющий мало общего с тем, что в реальности могло произойти на поле боя. Да и сама эта битва, скорее всего, не имела места в реальности, а почти дословно переписана из Сказания о Довмонте [9, с. 56–59].

Большое количество содержащихся в Житии исторических неточностей свидетельствует о том, что для его автора описываемые события были далеким прошлым. Искажение исторических фактов в Житии

начинается буквально с первой его строки. Отца Александра — Ярослава Всеволодовича — автор Жития называет «милостолубивым и человеколюбивым, а более всего кротким» [10, л. 168]. А по меткому замечанию Дж. Феннела, в новгородских и смоленских источниках Ярослава изображают «негодяем из негодяев» [11, с. 88]. И надо сказать, что это еще достаточно мягкая оценка, если принять во внимание такие факты из биографии Ярослава Всеволодовича, как организация продовольственной блокады Новгорода, трусливое бегство с поля боя во время Липицкой битвы, убийство заложников, предательство старшего брата Юрия во время нашествия Батыя и т. д. [12, с. 31–47].

Та же Лаврентьевская летопись, которая в Житии прославляет Ярослава Всеволодовича, сообщает о нем по поводу его кончины (1246 г.) как о «каком-нибудь захудалом удельном князьке» [6, с. 77]. А Новгородская первая летопись (НПЛ) старшего извода даже не упоминает о его смерти.

Зато о смерти его сына Александра новгородский летописец пишет проникновенные слова, говоря, что он достоин посмертной славы: «...дай, господи милостивый, видеть ему лицо твое в будущие века, иже потрудился за Новгород и за всю Русскую землю» [8, л. 140]. Возможно, хвала Александру в НПЛ была обусловлена желанием летописца угодить его сторонникам в лице «великих» бояр. А может быть, он просто боялся: как Александр карал непокорных его власти, было хорошо известно на примере потрясших Новгород событий ордынской переписи 1257 г.

Характерно оставленное по поводу этой расправы двусмысленное умозаключение «Всяк бо злыи зле да погыбнуть», из которого не ясно, кому же конкретно предрекает гибель хитроумный летописец: зачинщикам мятежа или же жестоко казнившему их урезанием носов и выниманием век Александру [8, л. 136]? В фильме С.М. Эйзенштейна эта мысль преобразовалась в евангельский парафраз «Кто к нам с мечем придет, от меча и погибнет», направленный в адрес иноземцев.

Но уже через 40 лет происходит необъяснимая метаморфоза, и для новгородского летописца Александр Ярославич становится фигурой, не достойной упоминания. О смерти старшего сына Невского — Андрея Александровича — в летописи сказано, что «в лето 6812 (1304 г.) преставился великий князь Андрей Александрович, внук великого Ярослава» [8, л. 154 об.]. Эта запись свидетельствует о том, что к началу XIV в. ни о какой посмертной славе Александра Ярославича и тем более о его общецерковном почитании в качестве святого речи не было. Более того, Александр, который не только лично привел в Новгород татарских баскаков, но и жестоко подавил вызванное этим

народное возмущение, в исторической памяти ближайших потомков, испытавших на себе тяготы и произвол ордынских поборов, стал персонажем худшим, чем его отец. Ведь результатом карательной экспедиции Александра стало то, что, говоря словами Н.М. Карамзина, он «склонил к рабству» свободных до этого новгородцев [13, т. 4, с. 76]. Фактически принудив Новгород платить ордынскую дань, Александр совершил государственный переворот, в ходе которого Новгород лишился независимости. Абсурдность ситуации заключается в том, что Новгород не только не был завоеван Ордой, но и не был даже частью Владимирской Руси, которую монголы подчинили в результате военной победы. Новгородская свобода и независимость обуславливались тем, что Новгород дань никому не платил. Теперь же руками отца приглашенного на кормление князя новгородцы потеряли свободу, оказавшись данниками другого государства.

От редакции к редакции число искажений исторических фактов и фантастических вымыслов в Житии возрастает. Мать Александра Феодосия объявляется дочерью Мстислава Удалова, и из внука Всеволода он становится внуком Мстислава. В то время как из летописных свидетельств следует, что брак с дочерью Мстислава, которую звали Ростислава, а не Феодосия, распался после Липицкой битвы, одним из последствий которой было то, что Ярослав Всеволодович был вынужден возвратить княгиню ее отцу. После этого Ярослав женился в третий раз (или, если верить Татищеву, в четвертый) [14, с. 104–105].

По Житию набег на Суздальскую землю в 1252 г. возглавлял Батый, хотя ханом Золотой Орды в это время был Сартак. В Степенной книге (1560 г.) в Житии появляется вошедший в учебники истории рассказ о потоплении отступающего немецкого войска в Ледовом побоище.

Сообщает Житие и о всемирной прижизненной известности Александра Ярославича, чье имя «прославилось во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Варяжского и до великого Рима» [15, с. 434]. Но в зарубежных источниках о Невской битве вообще не упоминается, а сообщения о событиях войны с Ливонией в 1240–1242 гг. не позволяют сделать вывод о выдающейся роли в ней Александра Ярославича [16, с. 146–152].

Отечественные летописные источники также не оставили свидетельств об исторической значимости воспетых Житием деяний Александра Ярославича. Так, новгородский летописец величайшим сражением «на памяти отцов и дедов» считал не Невскую битву или Ледовое побоище, а Раковорскую битву (1268 г.).

Лаврентьевская летопись в погодной записи о событиях 1240 г. не упоминает о Невской битве. Известие о ней появляется только в сообщении о смерти князя (1263 г.), во вставленной в летописный

текст самой ранней дошедшей до нас редакции Жития. В сообщении 1242 г. о Ледовом побоище владимирский летописец ограничивается лаконичной записью о том, что «на помощь» Александру в походе на «немцев» пришла владими́ро-суздальская дружина во главе с его младшим братом Андреем [10, л. 164 об.].

На тот факт, что автор Жития не был ни современником событий, ни новгородцем, ни даже лицом, приближенным к князю, указывает и то, что он не знал, какое место занимал князь в Новгородской феодальной республике, описывая Александра Ярославича как полновластного правителя Новгорода. Целью вторжения «короля части Римской от полуночной страны» Житие называет стремление «пленить землю Александру». Послы, которые сообщают об этом намерении, прибывают лично к князю [10, л. 168 об.]. Но Новгородская республика не была вотчиной князя, поэтому с целью «пленения земли» Александра Ярославича его противнику следовало напасть на его удел — Переславль-Залесский. Новгородский князь не отвечал за внешнюю политику Новгорода и тем более не обладал всей полнотой политической власти, следовательно, посольство с объявлением войны не могло быть адресовано персонально ему. Не говоря уже о том, что в это время Александр в Новгороде даже в качестве приглашенного князя был всего лишь наместником своего отца Ярослава Всеволодович.

То, что автор Жития — книжник, живший намного позже описываемых событий, свидетельствует сравнение синодального списка Новгородской первой летописи с текстом Жития: летописцу детали Жития не известны, а автор Жития знаком с летописным свидетельством. Однако некоторые исследователи (Ю. Бегунов, Я. Лурье) считают, что автор Жития не был знаком с новгородским летописным источником. Так, Ю. Бегунов в качестве обоснования этой гипотезы указывает на то, что Житие опускает ряд фактов биографии Александра Ярославича, известных летописцу [17, с. 230]. Но логичнее предположить, что автор Жития использует только те летописные свидетельства, которые важны для его повествования, и игнорирует остальные. В.О. Ключевский отмечает, что все подробности Невской битвы и Ледового побоища «заимствованы почти дословно» автором Жития из летописи [18, т. 4, с. 528]. В описании Ледового побоища Житие добавляет несущественные детали к свидетельству НПЛ. В описании Невской битвы автор Жития исправляет неточности летописного свидетельства. Так, Спиридон, названный летописцем шведским воеводой, становится в Житии новгородским архиепископом, а о планах захватчиков, которые по летописи непонятным образом стали известны в Новгороде, по Житию сообщают сразу два источника: шведские послы и ижорская стража [19, с. 48]. Из этого сле-

дует также то, что и летописный рассказ о Невской битве — позднейшая вставка, которая, вполне возможно, не основана на реальных событиях или сильно их искажает.

А.Н. Насонов установил, что в НПЛ события после 1234 г. написаны почерком первой половины XIV в. [8, с. 5]. Таким образом, если НПЛ послужила основой для Жития, то последнее не могло быть написано ранее середины XIV в. Следовательно, все гипотезы, относящие время написания Жития к более раннему периоду, не подтверждаются фактически.

Н.И. Серебрянский высказывал также гипотезу о том, что церковному Житию Александра предшествовала светская житейская повесть [6, с. 97]. Это предположение представляется малоубедительным, так как произведения данного жанра той эпохи неизвестны. К тому же после монгольского нашествия произошел упадок владимирского великокняжеского летописания. Во Владимире, «несмотря на проживание там с 1250 г. митрополита, кроме скромных записей митрополичьего Летописца, никакой летописной работы не видим» [20, с. 150]. Поэтому предположение о том, что в то же самое время катастрофического упадка культуры, вызванного последствиями нашествия Орды, во Владимире развивается новый жанр светской биографии, кажется нереальным. Е.Е. Голубинский приводит примеры, убедительно свидетельствующие «о чрезвычайно низком уровне среди книжных людей Москвы писательской способности» еще век спустя после ордынского нашествия. Так, когда в 1326 г. скончался св. митр. Петр и решено было написать его житие, «не нашли человека, который бы написал житие сколько-нибудь удовлетворительное, и принуждены были удовольствоваться житием весьма неудовлетворительным. Через 50 с небольшим лет, после смерти св. митр. Алексея (1378 г.), также решено было написать его житие, и опять не нашли человека, который бы написал последнее сколько-нибудь удовлетворительно, и должны были удовольствоваться житием, которое еще ниже по качеству жития св. Петра» [21, с. 171]. Аналогичным образом, по мнению Е.Е. Голубинского, обстояло дело в Новгороде и Владимире: «Московская Русь начала с совершенной безграмотности, чтобы потом постепенно создавать у себя грамотность. Правда, были у Москвы Новгород и Ростов, которые, по-видимому, могли быть ее руководителями в сем случае. Но на Новгород и Ростов грамотность не успела достаточным образом распространиться из Киева в период домонгольский, и после нашествия монголов они оказывались не в таком положении, чтобы быть руководителями Москвы, а в таком, чтобы вместе с нею только водворять у себя то же, что и она» [21, с. 170].

Время написания Жития связано с предположениями о том, кто мог быть его автором. Д.С. Лихачев, основываясь на употреблении в

Житии Александра Невского двух идиом («в силе великой» и «зака- тилось солнце»), которые также встречаются в Ипатьевской летописи, делает вывод о том, что митрополит Кирилл, «вне всякого сомнения ... имел отношение к составлению жизнеописания Александра. Он мог быть и автором, но, вернее всего, он заказал житие кому-нибудь из проживавших на севере галицких книжников» [22, с. 220]. Но указанные идиомы не могут быть достаточными основаниями для признания влияния Ипатьевской летописи на Житие. Например, сравнение с солнцем было, говоря словами Н.М. Карамзина, «тогдашним обыкновением»: «Россияне, торжествуя победу, все единодушно превозносили хвалами Мстислава Храброго, называя его, по тогдашнему обыкновению, красным солнцем отечества» [13, т. 3, с. 182].

Другим аргументом против влияния на Житие галицкой книжной культуры является то, как в Галицко-Волынской летописи из Ипатьевского летописного свода восхваляют достоинства князя Романа Мстиславича. Он сравнивается не с библейскими героями, как Александр Ярославич в Житии, а с животными: львом, крокодилом, рысью, орлом, туром [23, л. 245]. Таким образом, Житие демонстрирует стилистику, принципиально отличную от галицкой литературной традиции первой половины XIII в.

Не представляется убедительным приписываемый рядом авторов митрополиту Кириллу мотив создания культа князя Александра Невского. Было ли для Кирилла важным увековечить личность Александра Ярославича? Маловероятно. Митрополит преследовал более прагматичные и масштабные цели: прекращение монгольских набегов на Византию и использование военной силы Орды для восстановления Византийской империи в исторических границах. Для решения этих задач Кирилл сблизился с ханом Менгу-Тимуром и инспирировал от его имени посольство сарайского епископа Феогноста к императору Михаилу VIII.

Следует отметить и то обстоятельство, что канонизация Александра Невского состоялась через столетие после смерти Кирилла, а не при жизни митрополита. Это убедительное свидетельство того, что организацией посмертного церковного почитания князя Александра Ярославича митрополит Кирилл не занимался.

Определяющее значение для датировки Жития Александра Невского представляет анализ его связи с другой житейской повестью — «Сказанием о благоверном князе Довмонте и храбрости его». Ключевые моменты Сказания и Жития схожи практически дословно: описание личности князя и его ратных подвигов; сообщение о предсмертной болезни князя и народной скорби после его кончины.

В отечественной историографии сложилось представление, что Житие стало литературной основой Сказания. Так, Н.И. Серебрян-

ский, проведя анализ текстов этих произведений, приходит к выводу, что Сказание о Довмонте — «хорошая литературная копия с очень хорошего оригинала, самостоятельного же литературного значения житие Довмонта почти не имеет» [6, с. 150].

При этом даже несмотря на то, что в Сказании содержится много вымыслов, не находящихся подтверждения в других источниках, а образ Довмонта в нем, по словам А. Энгельмана, выглядит «сказочным» [24, с. 40], оно в большей степени является воинской повестью, чем агиобиографией, как Житие Александра Невского. В битвах, описанных в Сказании о Довмонте, не участвуют «ангел Божий» или «небесное воинство». В нем нет рассказа о явлении святых в вещем сновидении. Противник Довмонта — не мифологический «король страны Римской из Полуночной земли», а рижский магистр.

Это свидетельствует о первичности Сказания по отношению к Житию: эволюция воинской повести в агиографию логична. Создание воинской повести на основе агиографии, как это показывает опыт реконструкции биографии Александра Невского в отечественной историографии, задача трудно реализуемая, так как для ее осуществления не хватает фактической информации.

Подтверждением вторичности Жития служит сравнение описания в нем Невской битвы с описанием нападения ливонцев на Псков в 1269 г. в Сказании о Довмонте. В Сказании враги также прибывают на кораблях. На них с малой дружиной нападает князь и дерется с вражеским предводителем, рая его в лицо. После сражения противник увозит тела погибших на кораблях. Но если о Невской битве кроме НПЛ не сообщает больше ни один источник, то указанное нападение на Псков описывается не только в псковской и новгородской летописях, но и в ливонских документах. Об этом событии развернуто повествует Ливонская рифмованная хроника [25, стихи 07689–07710] и сообщается в послании 1269 г. магистра Отто фон Лютенберга горожанам и купцам Любека [26]. Можно предположить, что рассказ о Невской битве был заимствован в Сказании для описания побед Довмонта над «погаными Латинами», но послужить источником для ливонских свидетельств об этих событиях он не мог.

Из обилия фантастических деталей и, в частности, из описания подвига «шести храбрых мужей» в Житии Александра Невского Н.И. Серебрянский делает вывод, что оно было написано «не для помещения в летописи, а для церковного употребления. Для церковного же памятника рассказ об удалцах был в сущности излишен; позднее составленные церковные жития: Похвальное Слово, Василиева редакция, этот рассказ действительно опускают» [6, с. 83]. Для более светского Сказания о Довмонте такой эпизод вполне уместен, однако в Сказании нет рассказа о «подвигах мужей псковских», притом что

сцена поединка с вражеским предводителем оставлена. Если предположить, что именно Сказание о Довмонте послужило основой для Жития Александра Невского, то появление сюжета «о храбрых мужах» в последнем вызвано необходимостью обосновать претензии на то, что описание Невской битвы составлено со слов очевидцев, а не является заимствованием.

Еще один аргумент первичности Сказания усматривается в цитировании мотивов вражеского вторжения. Целью нападения на Псков вражеского войска под руководством «мастера земли Рижской» было «пленение» города [27, Псковская вторая летопись, л. 164 об.]. Задача покорения Пскова с целью обеспечения безопасности Ливонии озвучена и в Ливонской рифмованной хронике [25, стихи 07677–07681]. Аналогичную мысль высказывает и Житие, говоря о намерениях «короля части Римской» — «пленение земли Александровой» [10, л. 168 об.]. Возникает вопрос: откуда автор Жития Александра мог знать о планах врага, если они даже не вступили в пределы Новгородских владений (ближайший к месту сражения новгородский форпост Орешек был основан только в 1323 г.) и не совершили никаких враждебных действий? Только если скопировал этот сюжет из Сказания.

Определяющее значение для признания вторичности Жития по отношению к Сказанию имеет сравнение того, как в них описываются молитвы перед боем и обращение князя к дружине. Довмонт, как и следует псковскому князю, призывает «постоять за святую Троицу». Александр почему-то тоже «уповает на святую Троицу»¹. Но, в отличие от псковичей, новгородцы клялись святой Софией.

В Сказании святая Троица упоминается шестнадцать (!) раз. Святая София (но не самостоятельно, а вместе со святой Троицей) — один раз в описании Раковорской битвы, поскольку в ней участвовали и новгородцы. А в изначальном тексте Жития по Лаврентьевской летописи святая София вообще не упоминается. Следовательно, автор Жития, не знакомый с различиями новгородской и псковской субкультур, не обратил на этот момент внимания и скопировал оборот из Сказания про святую Троицу в Житие.

Следует также отметить, что поскольку ни Новгород, ни Псков не пострадали от монгольского нашествия, то в них не наблюдалось того упадка культуры, который исследователи фиксируют в подвергшихся разгрому регионах. Следовательно, жанр светской биографии в среде книжников Пскова и Новгорода имел все основания зародиться раньше, чем во Владимире.

Да и сама канонизация Довмонта в Пскове состоялась ранее (возможно больше, чем на столетия), чем Александра во Влади-

¹ «И си рекъ, поиде на ны в мале дружине, не сождавсья со мною силою своею, но уповая на Святую Троицу» [10, л. 169].

мире. Голубинский считал, что почитание Довмонта как святого началось вскоре после его смерти (в 1299 г.), когда совершилась его местная канонизация [28, с. 83]. Не вызывает сомнений, что Сказание о Довмонте уже существовало во второй четверти XIV в. [29]. Н.И. Серебрянский аргументирует эту датировку тем, что «в 1374 г., по указанию летописи, имелся уже и храм, посвященный имени этого святого» [6, с. 143].

Начало местного почитания Александра Ярославича во Владимире относится к 1380 г., когда были открыты его мощи и начался процесс подготовки к канонизации. Соответственно, его Житие не могло быть написано ранее того, как Александр был канонизирован.

По сложившейся в православной церкви традиции Житие пишется только после обретения нетленных чудотворных мощей и принятия решения о канонизации. Такая последовательность документально прослеживается в показательном случае с канонизацией (1650 г.), деканонизацией (1677 г.) и повторной канонизацией (1909 г.) Анны Кашинской (ум. в 1368 г.). Ее нетленные мощи были обретены в 1649 г. Основанием для официального освидетельствования ее мощей стало то, что у гроба княгини произошло 8 чудес исцеления. В 1650 г. Анна Кашинская была официально канонизирована. Тогда же создается первый вариант Жития Анны Кашинской.

Следует отметить тот факт, что основанием для отмены почитания Анны Кашинской были признаны несоответствия текста ее Жития летописным источникам, в том числе в датах, лицах, местах действия (всего 13 пунктов) [30].

Кроме чудес никакие другие заслуги при жизни не могли быть основанием для канонизации. Этот неписанный обычай соблюдался строго даже в конце XIX в., когда вера в нетленные мощи и чудеса среди образованной части верующих была не столь сильна и именно прижизненные заслуги могли бы рассматриваться как основное условие канонизации. Это подтверждает описанный в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» пример со старцем Зосимой, которого еще при жизни почитали «за несомненного и великого святого». На его похороны прибыли «толпы» ожидающих чудес исцеления, до которых дошли слухи о нетленности мощей Зосимы. Однако обнаружилось, что мощи старца подвержены тлению («провоняли»). Соответственно, от тленных мощей невозможны и чудеса [31]. После этого ни о какой канонизации старца речи быть уже не могло.

Описываемые в Житии чудеса от мощей святого указывают на дату его написания. Соответственно, дата последнего указанного чуда и будет датой написания данной редакции Жития. Однако в самом раннем («первоначальном») тексте Жития Александра Невского в Лаврентьевской летописи фрагменты, в которых могли быть указаны

сведения о чудесах, утрачены. В более поздних редакциях, о времени написания которых нет единого мнения (вторая половина XV — начало XVI в.), указаны два чуда: при похоронах князя и при открытии мощей в 1380 г. Причем в ряде редакций первое чудо не упоминается. Таким образом, именно 1380 г. — дата, ранее которой Житие не могло быть написано.

Эта гипотеза может быть подвергнута сомнению на основании того, что первая известная редакция Жития помещена в Лаврентьевской летописи, которую на основании автографа монаха Лаврентия принято датировать 1377 г. [10, л. 172 об.]. Но кроме Лаврентия над летописью работали еще два переписчика, и в ней присутствуют вставные листы. Один из таких позднее вставленных листов, 167-й, предшествует листу, на котором начинается изложение Жития. Таким образом, оно могло быть вставлено в летопись через несколько лет после указанного автографа Лаврентия. На это обратил внимание Д.С. Лихачев: «Первоначальный летописный текст заключал, по-видимому, только известие о смерти Александра, житие же вставлено позднее» [32, с. 202].

В историю Александр Ярославич вошел за подвиги, совершенные в то время, когда он находился на службе у Великого Новгорода. Однако к лику святых ни новгородцы, ни псковичи его не причислили. Это сделали полтора века спустя во Владимире, который Александр ни от каких врагов не спасал. До присоединения к Московской Руси в Новгороде почитали святого князя Мстислава Ростиславича Храброго (ум. в 1179 г.), который оборонял Новгород от князя Андрея Боголюбского и суздальцев. В Пскове кроме Довмонта почитали князя Всеволода Мстиславовича (ум. в 1138 г.)

Место и время канонизации Александра Невского связано с личной заинтересованностью в причислении его к лику святых Великого князя Дмитрия I Ивановича (Донского), который вел свой род от родоначальника московской ветви рюриковичей Даниила Александровича, младшего сына Александра Ярославича.

Начало церковного почитания Александра Невского было положено в Рождественском монастыре во Владимире. Сама «инициатива составления жития принадлежала, по всей вероятности, монастырскому начальству» [6, с. 82]. И это имеет объяснение. Дело в том, что до стремительного возвышения Троице-Сергиевой Лавры в период царствования Дмитрия Донского именно Рождественский монастырь имел первенство во Владимирской Руси [33, с. 293].

Этот монастырь был основан в 1192 г. великим князем Всеволодом Большое Гнездо и с тех пор находился под личным покровительством великих князей владимирских (и, что немаловажно, прямо по соседству от княжеского двора). Великие князья владимирские при-

лагали все усилия для того, чтобы Рождественский монастырь соответствовал своему высокому положению и во всем превосходил другие монашеские обители. Но после переезда княжеского двора в Москву Рождественский монастырь стал терять свое значение.

Для того чтобы сохранить положение первого монастыря теперь уже не Владимиро-Суздальской, а Московской Руси, монахам Рождественского монастыря надо было найти достойный ответ на вызов, брошенный Троице-Сергиевой обителью. Самый убедительный и эффективный способ — явить чудо. Но чудо происходит не само по себе, а из творящей его святости. А такой в монастыре не было. Зато была могила Александра Ярославича, прямого предка Дмитрия Ивановича, — самая подходящая реликвия для явления «чудотворной святости», которая поможет вернуть утраченные привилегии.

В 1380 г., когда первенство обители, основанной Сергием Радонежским, стало очевидным фактом, монахи Рождественского монастыря объявляют о том, что обрели нетленные мощи Александра Ярославича. Произошло это «чудо» прямо в момент Куликовской битвы. Согласно сочиненной в стенах монастыря легенде, пономарь, спавший в церкви, проснулся от яркого света и увидел, как при зажегшихся самих по себе свечах два старца (идентифицированных им как святые Борис и Глеб) обращаются к Александру со словами, призывающими оказать помощь правнуку Дмитрию. Наутро, согласно данной легенде, монахи обнаружили и нетленные мощи Ярославича.

Кто же мог быть инициатором канонизации Александра Ярославича и автором его Жития? Это должен был быть образованный и влиятельный деятель церкви, у которого была возможность изучить неизвестные во Владимире псковско-новгородские источники. Таким был епископ Суздальский и Нижегородский Дионисий, который, возможно, лично осуществлял редактирование Лаврентьевской летописи [34, с. 77–104]. Судьба Дионисия необыкновенна даже по меркам нашего времени: вступив в открытое противоборство с верховной государственной властью в лице великого князя, он, спустя короткое время, сумел чудесным образом вернуть его расположение.

Причиной конфликта епископа и великого князя послужило то, что Дионисий претендовал на место митрополита Московского, но Дмитрий Иванович предпочел ему своего духовника Митяя. Дионисий выступил против этого на собранном для назначения Митяя соборе, обосновывая свою позицию тем, что это назначение будет незаконно без его утверждения Вселенским патриархом. Митяй вынужден был ехать в Константинополь, пообещав, что по возвращении не оставит Дионисия даже священником.

Дионисий тоже отправился в Константинополь, намериваясь опередить Митяя, но был задержан и взят под стражу по распоряжению

великого князя. Чтобы получить свободу, Дионисий при личном поручительстве Сергия Радонежского дал клятву князю Дмитрию Ивановичу о том, что он смирится с его волей и не будет чинить препятствия Митяю. Но, выйдя на свободу в 1379 г., Дионисий, нарушив данную клятву, отбыл в Византию, поставив своим поступком в затруднительное положение своего поручителя Сергия. Однако уже в 1383 г. Дмитрий Иванович неожиданно изменил свое отношение к Дионисию и призвал его в Москву [35, с. 7–33].

«Будучи хитр, ласков, благотворителен, Дионисий умел оправдать себя в глазах Дмитрия и заслужил его доброе мнение достойным подвигом Христианского учителя», объясняет этот поступок великого князя Н.М. Карамзин [13, т. 5, с. 111]. По мнению Карамзина, расположение и доверие великого князя Дионисий вернул благодаря успеху своей миссии в Новгороде и Пскове, где ему удалось добиться примирения со стригольниками (1382 г.). Но вряд ли для Дмитрия Ивановича были столь важны дела сугубо церковные, еще и во владениях, ему не принадлежащих. Да и об успехе миссии Дионисия на попроще борьбы с ересью вряд ли можно говорить: стригольники еще полвека продолжали активную деятельность.

Более вероятно, что знаковая перемена в судьбе Дионисия обусловлена его личными заслугами перед великим князем, которые заключались в написании Жития Александра Невского, благодаря чему Дмитрий Иванович становился прямым потомком не просто князя, а православного святого. Авторство Дионисия позволяет объяснить использование в качестве первоосновы Жития Александра Невского псковских и новгородских источников — Сказания о Довмонте и НПЛ. Дионисий получил к ним доступ во время пребывания в Новгородской земле.

Таким образом, время написания Жития Александра Невского обусловлено открытием его чудотворных мощей в 1380 г. и последовавшим затем началом местного почитания как святого. Автором Жития был епископ Суздальский и Нижегородский Дионисий. Литературной основой Жития послужила одна из первых редакций Сказания о псковском князе Довмонте, дополненная фактами из НПЛ старшего извода и вымышленным рассказом о подвиге «шести мужей» в описании Невской битвы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ключевский В.О. *Собрание сочинений. В 9 т.* Москва, Изд-во Мысль, 1987–1990.
- [2] Кирпичников А.Н. Невская битва 1240 года и ее тактические особенности. В кн. Ю.К. Бегунова, А.Н. Кирпичникова, ред. *Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы.* Санкт-Петербург, Изд-во Дмитрий Буланин, 1995, 255 с.

- [3] Бегунов Ю.К. К вопросу об изучении Жития Александра Невского. В кн. *Труды Отдела древнерусской литературы. В 62 т., т. 17.* Москва, Ленинград, Изд-во Академии наук СССР, 1961, 699 с.
- [4] Насонов А.Н. *История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования.* Москва, Изд-во Наука, 1969, 556 с.
- [5] Охотникова В.И. Повесть о житии Александра Невского. В кн. Д.С. Лихачева, ред. *Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. I.* Ленинград, Изд-во Наука, 1987, 493 с.
- [6] Серебрянский Н.И. *Древнерусские княжеские жития (Обзор редакций и тексты). Ч. I.* Москва, 1915, 184 с.
- [7] Полевой Н.А. *История русского народа. В 6 т., т. 4.* Москва, 1833, 336 с.
- [8] Насонова А.Н., ред. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.* Москва, Ленинград, Изд-во Академии Наук СССР, 1950, 659 с.
- [9] Нестеренко А.Н. *Кто победил в Ледовом побоище.* Москва, Изд-во ОЛМА-ПРЕСС, 2006, 320 с.
- [10] Лаврентьевская летопись. *Полное собрание русских летописей. В 43 т., т. 1.* Москва, Изд-во Языки Русской Культуры, 2001, 496 с.
- [11] Феннел Дж. *Кризис средневековой Руси 1200–1304.* Москва, Изд-во Прогресс, 1989, 339 с.
- [12] Нестеренко А.Н. Ярослав Всеволодович. *Вопросы Истории*, 2014, № 11, с. 31–47.
- [13] Карамзин Н.М. *История государства Российского. В 12 т.* Санкт-Петербург, 1816–1829.
- [14] Нестеренко А.Н. Ложные нарративы биографии Александра Невского в отечественной историографии. *Вопросы Истории*, 2014, № 11, с. 103–114.
- [15] Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра. В кн. *Памятники литературы древней Руси. XIII век.* Москва, Изд-во Художественная литература, 1981, с. 426–439.
- [16] Нестеренко А.Н. Тевтонский орден в войне 1240–1242 гг. *Вопросы Истории*, 2014, № 8, с. 146–152.
- [17] Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. *Новгородский исторический сборник*, вып. 9. Новгород, Новгород. ист.-архитектур. музей-заповедник, 1959, 252 с.
- [18] Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. *Русская история. Полный цикл лекций. В 5 т., т. 4.* Москва, Изд-во АСТ, Харвест, 2002, 528 с.
- [19] Линд Д.Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении. *Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы.* Санкт-Петербург, Изд-во Дмитрий Буланин, 1995, 215 с.
- [20] Приселков М.Д. *История русского летописания XI–XV вв.* Санкт-Петербург, Изд-во Дмитрий Буланин, 1996, 325 с.
- [21] Голубинский Е.Е. *История Русской Церкви. В 2 т., т. 2, первая половина тома.* Москва, 1911, 614 с.
- [22] Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского. В кн.: О.В. Творогов, ред. *Исследования по древнерусской литературе.* Ленинград, Изд-во Наука, 1986, с. 201–225.
- [23] Ипатьевская летопись. *Полное собрание русских летописей. В 43 т., т. 2.* Санкт-Петербург, 1908, 638 с.
- [24] Энгельман А. *Хронологические изыскания в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях.* Санкт-Петербург, 1858, 226 с.
- [25] *Ливонская рифмованная хроника. Atskani hronika.* Riga, Zinātne, 1998, 389 с.

- [26] Послание магистра Отто фон Лютенберга горожанам и купцам Любека. 1269 г. *Восточная литература*. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Livonia/XIII/1260-1280/Otto_Lueteenberg/schreiben_luebeck_1269.phtml?id=2951 (дата обращения 30.02.2016).
- [27] *Псковские летописи*. Москва, Изд-во АН СССР, 1955, 365 с.
- [28] Голубинский Е.Е. *История канонизации святых в русской церкви*. Москва, Изд-во Императорское общество истории и древностей российских при Московском Университете, 1903, 606 с.
- [29] Охотникова В.И. *Повесть о Довмонте: Исследования и тексты*. Ленинград, Изд-во Наука, 1985, 232 с.
- [30] Анна Кашинская. *Православная энциклопедия*. URL.: <http://www.pravenc.ru/text/115602.html> (дата обращения 30.02.2016).
- [31] Достоевский Ф.М. *Братья Карамазовы. Ч. 3. Кн. 7. Тлетворный дух. Собр. соч. в 15 т., т. 9*. Ленинград, Изд-во Наука, Ленинградское отделение, 1991, с. 365–367.
- [32] Лихачев Д.С. *Исследования по древнерусской литературе*. Ленинград, Изд-во Наука, 1986, 408 с.
- [33] Зверинский В.В. *Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. В 3 т., т. 2*. Санкт-Петербург, 1892, 461 с.
- [34] Прохоров Г.М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. В кн. *Вспомогательные исторические дисциплины. В 31 т., т. 4*. Ленинград, Изд-во Наука, 1972, с. 77–104.
- [35] Булычев А.А. Дионисий Суздальский и его время. *Архив русской истории*, 2002, вып. 7, ч. 1, с. 7–33.

Статья поступила в редакцию 27.04.2016

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Нестеренко А.Н. Время написания Жития Александра Невского. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 3. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-03-350>

Нестеренко Александр Николаевич — канд. филос. наук, старший преподаватель кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: rockwool@list.ru

The time of writing the Life of Alexander Nevskiy

© A.N. Nesterenko

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

Historiography speculatively assumes that hagiographic Life of Alexander Nevskiy is dated by late XIII century, and therefore, is based on the recollections of witnesses and direct participants in the events. The article explains that it was written in the period of 1381-1383 years and is a compilation of the Life of the Pskov Prince Timothy (Dovmont). The author of the Life, presumably, was the Metropolitan Dionysius of Suzdal.

Keywords: *Life of Alexander Nevskiy, Metropolitan Dionysius of Suzdal, Life of Dovmont of Pskov, the Battle of Neva, Battle on the Ice, canonization of Saints in the Russian Orthodox Church.*

REFERENCES

- [1] Kluchevskiy V.O. *Sobranie sochineniy. V 9 tomakh* [Oeuvre in 9 volumes]. Moscow, Mysl Publ., 1987–1990.
- [2] Kirpichnikov A.N. *Nevskaya bitva 1240 goda i ee takticheskie osobennosti* [Battle of the Neva in 1240 and its Tactical Features]. *Knyaz Aleksandr Nevskiy i ego epokha. Issledovaniya i materialy* [Prince Alexander Nevsky and His Epoch. Research and Materials]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1995, 255 p.
- [3] Begunov Yu.K. *K voprosu ob izuchenii Zhitiya Aleksandra Nevskogo* [On the Issue of Studying the Life of Alexander Nevskiy]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. In 62 tomakh. Tom 17* [Proceedings of the Department of Ancient Russian literature. In 62 volumes. Vol. 17]. Moscow, Leningrad, USSR Akademiya Nauk Publ., 1961, 699 p.
- [4] Nasonov A.N. *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya* [The History of Russian Chronicles XI – Early XVIII Century. Essays and Research]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 556 p.
- [5] Okhotnikova V.I. *Povest o zhitiy Aleksandra Nevskogo* [The Story of the Life of Alexander Nevsky]. *Slovar knizhnikov i knizhnosti drevnei Rusi. Vyp. 1* [Dictionary of the Scribes and Booklore of Ancient Russia. Issue 1]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 493 p.
- [6] Serebryanskiy N.I. *Drevnerusskie knyazheskie zhitiya (obzor redaktsiy i teksty). Chast 1* [Ancient Russian Princely Lives (Review of editions and texts). Part 1]. Moscow, 1915, 184 p.
- [7] Polevoy N.A. *Istoriya russkogo naroda. V 6 tomakh. Tom 4* [The History of the Russian People. In 6 volumes. Vol. 4]. Moscow, 1833, 336 p.
- [8] Nasonova A.N., ed. *Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov* [First Novgorod Chronicle of Senior and Junior Recension]. Moscow, Leningrad, USSR Akademiya Nauk Publ, 1950, 659 p.
- [9] Nesterenko A.N. *Kto pobedil v Ledovom poboishche* [Who Won the Battle on the Ice]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2006, 320 p.
- [10] *Lavrentyevskaya letopis* [Laurentian Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. V 43 tomakh. Tom 1* [The Complete Collection of Russian Chronicles. In 43 volumes. Vol. 1]. Moscow, Yazyki Russkoy Kultury Publ., 2001, 496 p.

- [11] Fennell J. *The Crisis of Medieval Russia 1200–1304*. London, New York, 1983 [In Russ.: Fennell J. *Krizis srednevekovoy Ruci 1200–1304*. Moscow, Progress Publ., 1989, 339 p.].
- [12] Nesterenko A.N. *Voprosy istorii — Issues of History*, 2014, no. 11, pp. 31–47.
- [13] Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo*. V 12 tomakh [History of Russian State. In 12 volumes]. St. Petersburg, 1816–1829.
- [14] Nesterenko A.N. *Voprosy istorii — Issues of History*, 2014, no. 11, pp. 103–114.
- [15] Povesti o zhitii i khrabrosti blagovernogo i velikogo knyazya Aleksandra [The Story of the Life and the Courage of the Blessed Grand Prince Alexander]. *Pamyatniki literatury drevney Rusi. XIII vek* [Literary Classic of Ancient Russia. XIII Century]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1981, pp. 426–439.
- [16] Nesterenko A.N. *Voprosy istorii — Issues of History*, 2014, no. 8, pp. 146–152.
- [17] Begunov Yu.K. *Zhitie Aleksandra Nevskogo v sostave Novgorodskoy 1-y i Sofiyskoy 1-y letopisey* [The Life of Alexander Nevskyy Included to the 1st Novgorod and the 1st Sofia Chronicles]. *Novgorod historical collection*, iss. 9. Novgorod, Novgorod Historical and Architectural Museum-Reserve Publ., 1959, 252 p.
- [18] Kluchevskiy V.O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik*. [Ancient Hagiographies as a Historical Source]. *Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy. V 5 tomakh. Tom 4* [Russian History. Complete cycle of lectures. In 5 volumes. Vol. 4]. Moscow, Harvest, ACT Publ., 2002, 528 p.
- [19] Lind D.G. *Nekotorye soobrazheniya o Nevskoy bitve i ee znachenii*. [Some Considerations about the Battle of the Neva and Its Significance.]. *Knyaz Aleksandr Nevskiy i ego epokha. Issledovaniya i materialy* [Prince Alexander Nevskiy and His Epoch. Research and Materials]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1995, 215 p.
- [20] Priselkov M.D. *Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv.* [The History of Russian Chronicles XI–XV Centuries]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1996, 325 p.
- [21] Golubinskiy E.E. *Istoriya Russkoy Tserkvi. V 2 tomakh. Tom 2, pervaya polovina toma* [The History of the Russian Church. In 2 volumes. The first half of the 2nd volume]. Moscow, 1911, 614 p.
- [22] Likhachev D.S. *Galitskaya literaturnaya traditsiya v Zhitii Aleksandra Nevskogo* [Galician Literary Tradition in the Life of Alexander Nevskiy]. *Issledovaniya po drevnerusskoy literature* [Research on Ancient Russian Literature]. Tvorogov O.V., ed. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 201–225.
- [23] *Ipatyevskaya letopis* [Hypation Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. V 43 tomakh. Tom 2* [The Complete Collection of Russian Chronicles. In 43 volumes. Vol. 2]. St. Petersburg, 1908, 638 p.
- [24] Engelman A. *Khronologicheskie izyskaniya v oblasti russkoy i livonskoy istorii v XIII i XIV stoletiyakh* [Chronological Research in the Field of Russian and Livonian History in the XIII and XIV Centuries]. St. Petersburg, 1858, 226 p.
- [25] *Atskanu hronika* [Livonskaya rifmovannaya khronika]. Riga, Zinātne, 1998, 389 p.
- [26] *Poslanie magistra Otto fon Lutenberga gorozhanam i kuptsam Lubeka. 1269 g.* [Message of Magister Otto von Lyutenberg to Citizens and Merchants of Lübeck. 1269]. *Vostochnaya literatura* [Eastern literature]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Livonia/XIII/1260-1280/Otto_Luetenberg/schreiben_luebeck_1269.phtml?id=2951 (accessed February 30, 2016).
- [27] *Pskovskie letopisi* [Pskov chronicles]. Moscow, USSR Akademiya Nauk Publ., 1955, 365 p.

- [28] Golubinskiy E.E. *Istoriya kanonizatsii svyatykh v russkoy tserkvi* [History of the Canonization of Saints in the Russian Church]. Moscow, Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom Universitete Publ., 1903, 606 p.
- [29] Okhotnikova V.I. *Povest o Dovmonte: Issledovaniya i teksty* [Tale of Dovmont: Studies and texts]. Leningrad, Nauka Publ., 1985, 232 p.
- [30] Anna Kashinskaya *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/115602.html> (accessed February 30, 2016).
- [31] Dostoevskiy F.M. Bratya Karamazovy. Ch. 3. Kn. 7 “Tletvornyy dukh” [The Karamazov Brothers. Part 3. Book 7. “Noxious Spirit”]. *Sobranie sochineniy. V 15 tomakh. Tom 9* [Oeuvre in 15 volumes. Vol. 9], Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Department, 1991, pp. 365–367.
- [32] Likhachev D.S. *Issledovaniya po drevnerusskoy literature* [Research on Ancient Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, 408 p.
- [33] Zverinskiy V.V. *Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryakh v Rossiyskoy imperii. V 3 tomakh. Tom 2* [The Material for the Historical and Topographical Studies of the Orthodox Monasteries in the Russian Empire. In 3 volumes. Vol. 2]. St. Petersburg, 1892, 461 p.
- [34] Prokhorov G.M. Kodikologicheskiy analiz Lavrentyevskoy letopisi [Codicological Analysis of Laurentian Chronicle]. *Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny. In 31 tomakh. Tom 4* [Auxiliary Historical Disciplines. In 31 volumes. Vol. 4]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, pp. 77–104.
- [35] Bulychev A.A. Dionisiy Suzdalskiy i ego vremya [Dionysius of Suzdal and his Time]. *Arkhiv russkoy istorii* [Archive of Russian History]. 2002, vol. 7, part 1, pp. 7–33.

Nesterenko A.N., Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: rockwool@list.ru